

Дверь мне открыл Роман. Он немного поговорил со мной о том, как я съездила сегодня в Павловск и Гатчину. Сказал, что очень удивлен тому, что я успела в оба этих чудесных места за один день. Однако по искорке в его карих глазах и напряженной выпуклости на брюках чувствовалось, что на самом деле его мысли были весьма далеки от темы нашей светской беседы. В прихожую заглянула обнаженная Александра, грациозно ступая босыми ножками и словно раздвигая перед собой пространство устремленностью остреньких девичьих грудок. Она чутко оценила ситуацию и со значением сказала брату, что лучше бы он к завтрашним занятиям готовился. Роман взял ее ценным указаниям и с явной неохотой удалился к себе. Александра сказала, что хочет показать мне альбомы одного знаменитого и довольно спорного американского фотохудожника. Я ответила ей, что хотела бы чуть отдохнуть с дороги и потом подойти в ее комнату. Пройдя к себе, я неспешно освободилась от одежды и убрала ее в шкаф. Потом вдруг почему-то вспомнила о Романе. Мне захотелось поддразнить его возбужденность на меня. Но идти к нему обнаженной сейчас под каким-то придуманным предлогом, пожалуй, было бы неправильно — а то еще слишком много возомнит о себе. Тогда я снова вынула из шкафчика свои лифчик и трусики. Якобы случайно (но при этом весьма живописно и не с первой попытки) бросила их на спинку и сидение кресла, запомнив расположение белья.

Когда я постучалась к Александре, она сидела за ноутбуком и с кем-то переписывалась. Взглянув на меня, она жестом пригласила меня сесть на тахту с по-восточному изогнутой спинкой и, достав с полки три альбома, подала их мне. Сама же она села на тахту рядом со мной, сбоку наблюдая на моей реакцией. Это были альбомы Джока Стэрджеса. Я листала страницы, вглядываясь в безмятежность мира этих нагих девушек и девочек.

— Какой деликатный автор! Эти модели одновременно и обнажены, и защищены отношением к ним автора. Так тонко передать деликатность своего отношения к красоте девочек-подростков в фотографии дано не каждому художнику. Тем более фотографу-мужчине.

— А он им всем вовсе не чужой дядя с фотоаппаратом. Он для них сосед, которому можно доверять. Он лет сорок фотографирует юных девушек из общины своих соседей-натуристов. Это его авторская тема. У него уже три поколения моделей. Некоторые девочки тут в альбомах — это уже внучки его первых моделей.

— Ты говорила, что это спорный фотохудожник. Я не вижу тут ничего спорного. Я не вижу тут ничего, кроме бесспорности красоты юности.

— Многие считают его творчество порнографией. У него были проблемы с ФБР из-за сигналов бдительных моралистов.

— Бред какой-то. Я не вижу тут ни малейшего оттенка даже легкой эротики. Тут лишь восхищение гармонией и умиротворенностью. Это обнажение безгрешно как луч солнца, как высокое небо. Если кто-то видит в этих фотографиях повод возбудиться или возмутиться, то у него самого в душе какая-то ущербность и червоточина. Если у кого-то дупло старого дуба ассоциируется с гениталиями, то что — нужно вырубать вокруг все деревья с дуплами только для того, чтобы этот озабоченный бедолог успокоился?

— В разных культурах грань между эротикой и неэротикой пролегает по-разному. И тут

слишком часто агрессивное меньшинство с мерками своего устава лезет в чужой монастырь от имени и якобы по поручению всего общества. Красота, может быть, и спасет мир и тех, кто одарен пониманием красоты. Но ей точно не дано спасти всех моралистов в этом мире. И гореть им в безобразиях ада, который они сами для себя вообразили.

— Я где-то читала, что безнравственность — это нравственность тех, кто проводит время лучше нас. Это, конечно же, шутка — но в каждой шутке есть только доля шутки.

Александра встала с тахты и, отыскав на полке еще один альбом, подала его мне. На этот раз она села ко мне так близко, что мы почти соприкасались.

— В Советском Союзе был свой «Джок Стэрджес». Литовец Римантас Дихавичюс. Это его авторский альбом «Цветы среди цветов». Раритетное издание 1987 года. Гордость коллекции папы.

Я стала листать альбом Дихавичуса.

— Как же все-таки странно. Оба мастера работают в основном в черно-белой технике. И фотографии без всяких там спецэффектов. Возраст и типаж моделей почти одинаков. А впечатление от альбомов совсем разное.

— Авторские фотографии одной и той же натуры отличается прежде всего отношением автора к этой натуре.

— Пожалуй, фотографии литовца ощущаются как более романтичные. Тут больше личностного отношения между фотографом и моделью. Больше оттенков эмоций, больше диалога со зрителем, больше черт реальности. Порой даже сдерживаемой страсти. На литовских фотографиях лицо модели часто не снимается и это дает простор воображению зрителя. А на фотографиях американца бросается прежде всего бесхитростная безмятежность моделей. Они запечатлены в словно остановившемся мире без проблем и сложностей. Идиллия рая. Все альбомы изысканно красивы по своей эстетике, но за ними чувствуется разный характер авторов.

— А может быть, тут даже оказывается и география съемок. Фотосессии Стэрджеса связаны в основном с комфортными по температуре нудистскими пляжами Калифорнии и юга Франции. Литва то посевернее будет. Да и климат у нас на Балтике переменчивее. Не слишком безмятежность воспитывает.

— А ты, Александра, в таких публичных фотосессиях «ню» не снималась?

— Я не снималась. Некоторые мои подруги снимались для респектабельных западных студий жанра «эротик-арт». За гонорар, разумеется. Это не порно. Там вообще киски не акцентируются. Модели только девушки и обычно соло. В общем, стильные художественные фотографии «ню». Работающие на такие студии фотографы ищут свои модели прежде всего среди натуристок на пляжах. В том числе, и на наших питерских пляжах. Хотя разумеется, потом в качестве страны, откуда модель, будет указана совсем не Россия, а какая-нибудь Хорватия, Швеция или Польша. В зависимости от типажа внешности модели.

— Неужели девочки не боятся, что тут в Петербурге их кто-то узнает из завсегдатаев таких сайтов?

Александра как будто бы нечаянно положила свою руку мне на левое плечо.

— Ты знаешь, макияж порой творит чудеса неузнаваемости. Как это ни странно, но до сих пор никто вроде бы из наших не жаловался, что ее кто-то из посторонних опознал и возникли проблемы. Главное — умело нарисовать на своем лице лицо другой девушки. Часто девушки в

каком-то художественном образе. А уж что там дальше — да мало ли несколько похожих друг на друга девушек на свете в разных странах. Мир большой. Вот ты же, к примеру, очень похожа на Ингу.

— Я видела твое видео в эрочате. Там даже тембр голоса изменен.

— Есть такой сервис для тех, кто хочет сохранить инкогнито. Поставила по совету мамы. И как тебе эти видео со мной?

— Знаешь, ты там очень даже соблазнительно кокетничашь.

— Ну случается у меня иногда настроение покуражиться. Я там среди моделей белая ворона. Скорее всего, я единственная модель, которая в чате не из-за заработка перечисляемыми токенами, а собственного куража ради. Бываю там очень редко и только под настроение поприкалываться и подразнить. На самом деле это только поначалу прикольно, а потом однообразие поведения подавляющего большинства мужиков уже порядком раздражает. Только и слышишь просьбы снять маску да вопросы о том, сколько же мне лет. Я таких тупиков обламываю несусветно высокой ценой за приватный просмотр аж в миллион токенов, чтобы не быть никому обязанной за их деньги. Мол, моя игра — мои правила. Хотя если изредка вдруг попадется кто-то интересный, то могу для него в качестве приза и бесплатно приват сделать по настроению.

— А что ты отвечаешь, когда тебя про возраст спрашивают?

— Тут уж я, разумеется, несу совершенейший бред. Типа что я пенсионерка из Антарктиды, что у меня шестеро детей и двадцать восемь внуков. Они все ржут насчет моего бабульства и снова занудствуют про снятие маски. А хочешь посмотреть, как это в реале происходит?

— Прямо сейчас?

— Ну да.

— Пожалуй, это было бы забавно.

— Тогда надеваем маски и полный вперед. Одеваться не будем — я хочу поставить рекорд по числу обломленных посетителей моего профиля.

Пока до меня дошло, что меня приглашают стать участницей эротрансляции, Александра уже гибким движением пантеры открыла ящик и достала из него две одинаковые маски. Такие же, какие были на нас с Ингой вчера. А может быть, и те же самые. «Эх, где только наше не пропадало! Была — не была», — провозгласила я и надела маску. Александра поставила ноутбук на кресло перед тахтой и вошла в режим трансляции. В левой части экрана появились мы, сидящие в масках. В правой — пока пустой чат.

— Нужно подождать несколько минут, пока нас в чате заметят и сбегутся. Начинать шоу меньше, чем при 500 посетителях, мы не будем. Ты будешь, допустим, Юлей. Тут в чате в это время примерно одни и те же завсегдатаи торчат. Так что уже знакомые мне будут точно. Насколько неотразимо мы с тобой смотримся в масках, Юля?

— Да мы просто бесподобны. Во всяком случае, я сама себя уж точно не узнаю. Такая ведь примерная девочка еще недавно была.

Александра расхохоталась: «А вот и наши первые изнемогающие страстью поклонники!» Строчки чата ожили и пошли приветствия в перемешку с вопросами о том, кто я такая новенькая и такая загадочная. Александра объявила чату, что я — Юля из полиции нравов, из отдела борьбы сексуально озабоченными. Тут же мужички стали одолевать меня просьбами, чтобы я начала бороться персонально именно с ними. Причем тут же зазвучали конкретные мои позы, в которых должна происходить эта борьба за устои общества. Александра забанила

несколько пользователей, писавших хамоватые соощения. То и дело слышался звон пересылаемых нам токенов. Я совсем развеселилась.

Александра включила битлзового «Дурачка на горке» и мы с ней стали ритмично раскачиваясь в такт музыке, петь:

And nobody seems to like him,
they can tell what he wants to do,
and he never shows his feelings,
But the fool on the hill,
Sees the sun going down,
And the eyes in his head,
See the world spinning «round.

Последний припев «Ooh, Round and round and round» мы завершили объятьями и долгими, упоительно-сладкими поцелуями. И мне уже не было ровно никакого дела, что на нас в этот момент возбуждаются сотни мужчин. Оторвавшись от поцелуя, Александра шепнула мне: «Давай не будем баловать их зрелищем, которого они не заслужили». Вслух же она сказала:

— Юля, а хочешь посмотреть, что происходит сейчас по ту сторону монитора? Судя по этому счетчику, нас сейчас смотрят 127 эксгибиционистов с включенными видеокамерами. Среди них есть как колоритные, так и впечатляющие экземпляры. Кого хочешь посмотреть?

— Атлетических macho в студию!

— Сейчас посмотрим список. Может кто и найдется из более-менее интересных вирт-знакомцев.

Она полистала меню и выбрала позицию. На экране возник спортивного вида мужчина лет 35 в клетчатой рубашке, сидящий за компьютером. Обворожительной внешностью и белозубой улыбкой он немного напоминал Тома Круза.

— Привет, Энди!

— Привет, милая маска! Как же давно ты тут не была! Я уже так искучался по тебе, что просто на стенку лезу.

— Энди, не нужно лезть на стенку. Держи себя и свое достоинство в руках. Ты лучше покажи нам вдохновенный мужской стриптиз под Джо Кокера. Хочу угостить тобой свою подругу из полиции нравов. Как тебе она?

— Да просто нет слов, какая у нас теперь продвинутая полиция нравов. Как же вы обе упоительно прекрасны, милые дамы! Есть пожелания, какую именно композицию Кокера поставить?

— Что-нибудь нестандартное для стриптиза и динамичное. Пожалуй, я хочу «Лето в городе».

— Неожиданный выбор. Это же короткая композиция, не больше четырех минут. Хотя, пожалуй, у меня есть одна идея образа. Только дайте мне минутку-другую подготовиться.

Энди встал из-за компьютера, перенаправил свою видеокамеру на середину комнату и исчез из нашего поля зрения.

— Энди занимался в молодости танцами и у него удивительная пластика. Сейчас сама увидишь, — сказала мне Александра.

— А нас сейчас другие видят или мы в привате только с Энди?

— Как скажешь, так и будет. Сейчас мы в режиме публичной трансляции. Перевести в режим привата?

— Давай.

— Готово. Сейчас нас может видеть и слышать только Энди.

Вернулся Энди уже одетым в элегантный темно-синий костюм business style, прихватив в качестве аксессуара для танца кейс из натуральной кожи каштанового цвета. Он включил музыку и первые несколько тактов просто стоял к нам боком, сосредоточившись на входжении в сценический образ. С вступением хрипловатого голоса Джо Кокера он вдруг пришел в движение лунной походкой Майкла Джексона. Его левая рука с кейсом при этом делала маятниковые движения как стрелка метронома. Правой же рукой он то пожимал руки воображаемым собеседникам, то подписывал невидимые документы.

С появлением в песне темы девушки он, не прерывая своей лунной походки, повернулся к нам лицом, ослабил галстук и расстегнул пиджак. Пластичные движения Энди становились все раскованнее и эротичнее. Кейс отброшен в сторону. За кейсом последовал и снятый пиджак, проделавший победный круг вращением над головой. Энди пробежал руками по пуговицам рубашки и рывком распахнул ее, показав нам великолепно вылепленный торс. Началось вращение бедрами и, как бы нечаянное, поглаживание области паха. Затем Энди повернулся к нам спиной и скинул рубашку. Вместе с постепенным приближением к видеокамере началось и расстегивание ремня на брюках.

Приближалась кульминация этого захватывающего своим артистизмом шоу персонально для нас. Левая рука Энди придерживала высвобожденные от захвата ремня брюки. А вот что делала его правая рука последнюю минуту песни, нам совершенно не было видно за его спиной. Так и хотелось заглянуть сбоку, но видеокамера оставалась неподвижной.

И вот, выдержав театральную паузу, буквально на последних секундах композиции Энди обронил брюки. Под которыми уже ничего не было, кроме упругого рельефа ягодиц. И наконец, завершающий поворот торса. «Боже! Вот это да!» — только и смогла воскликнуть я, уставившись на мощный ствол, устремленный на нас с экрана. Мы зааплодировали танцору, крича ему браво. Впечатление от стриптиза действительно получилось захватывающим именно из-за импровизационности.

Освободившись от брюк, ботинок и носков, Энди уселся в кресле перед видеокамерой.

— Энди, я хочу дать Юле возможность оценить размеры твоего дружка, — сказала ему Александра.

— Намек понял. Сейчас все будет в лучшем виде.

Энди встал с кресла и вернулся к нам с пультом. Одновременно Александра со словами: «У нас с ним одна и та же марка плазменного телевизора» подала мне в руки точно такой же пульт. Сделав при этом с ним такие движения, какие делают мужчины при мастурбации. Энди взбодрил своего дружка несколькими пульсирующими обхватами ладони и приложил сбоку пульт, чтобы мы сравнили размеры в сравнении с габаритами пульта. Ширина совпадала, а вот по длине пульт немножко проигрывал демонстрируемому нам мужскому достоинству.

— Представь, что вместо пульта в тебя сейчас руках штуковина Энди. Как тебе ощущения?

— У меня просто нет слов, — одни чувства и все возбужденные.

Я взглянула на экран. Энди придвинул изображение своего ствола и медленными движеними возбуждал его. Александра снова взяла у меня пульт и, хитренько улыбнувшись, стала медленно водить им по моей шее, соскам и животику. От первого прикосновения меня словно током ударило. Потом я закрыла глаза и стала представлять, что меня касается вовсе не

пульт. Это было очень возбуждающее и заводящее ощущение. Я обняла подругу и шепнула ей на ушко: «Я уже вся теку и хочу ласкаться с тобой. Но без масок. Как нам быть?» Александра поцеловала меня в губы и шепнула в ответ: «Отключать Энди сейчас наверное было бы невежливо с нашей стороны. Давай предоставим ему возможность разрядиться, отключим трансляцию и тогда уже можно маски долой. Я сейчас лягут так что ему было видо то, что он хочет увидеть, а ты просто положи мне туда свою руку. И почаще смотри в видеокамеру — мужички в чате заводятся от того, что сморишь персонально на них». Я поцеловала ее в знак согласия и взглянула на монитор. Энди терпеливо ждал, поигрывая рукой со своим дружком. Улыбаясь мне, Александра легла на тахту и раздвинула ножки, обратив свое желанное место в направлении камеры. Ее спокойствие придало мне уверенности и я стала нежно поглаживать ее бедра, стараясь подладиться под ритм, с которым Энди возбуждал свой ствол. Он тоже понял меня и когда я меняла темп своих касаний Александры, он следовал за мной. Когда я медленно меняла позу, он оставлял своего дружка в покое. Это немного начинало напомирнать игру в кошки-мышки. Убедившись, что Энди чувствует темп того танца ласк, который я исполняла, я осторожными касаниями подушечек пальчиков развернула влажные лепестки лона Александры и посмотрела на Энди. Он застал в явном восхищении предоставленным ему зрелищем. Я оттянула кожицу вокруг клитора и обнажила этот сладкий бугорок, медленно облизав при этом свои губы. Мой вопросительный взгляд на Энди вызвал как бы утверждающий качок его ладони, обхватившей напряженную головку.

Я обернулась и посмотрела на Александру, блаженствующую с закрытыми глазами. Потом стала мягко целовать животик, то подбирайсь губами к лону, то отдаляясь от него. Вспомнив, что вчера Инга говорила про искусство паузы, нарочно для зрителя прервалась. Чуть поправила прическу, глядя в видеокамеру как в зеркало. Энди уже было не до соблюдения темпа. Тогда я вдохнула аромат лона и стала дразнить кончиком языка клитор, приятно ощущая его набухшую твердость. Александра охнула от наслаждения и начала выгибаться телом. А я все добавляла и добавляла языком и пальчиками ей новых ощущений, передавая ей ласками восторг от своего первого в жизни прикосновения к интимной зоне девушки. Александра пыталась лихорадочно ласкать меня руками. Но я особенно не давала ей это делать, как бы настаивая на своих ласках и отдавая себя всю ей. Я вся завелась своими ласками подруги и вела ее к вершине наслаждений. Я хотела неистовства ее криков и стонов. И наконец, добилась своего. Это свершилось, и Александра обмякла в изнеможении, целуя мою руку, гладившую ее соски. В полном изнеможении был и Энди с испачканной спермой грудью и даже лицом.

Александра понемногу пришла в себя. Попрощавшись с Энди, она выключила трансляцию. Мы сняли маски.

- Это было просто что-то с чем-то!!! Где ты так научилась ласкать девушек?
- Да ты что — у меня это было в первый раз в жизни!
- Не может быть. Ты серьезно?
- Ну да. Можешь поздравить меня с дебютом.
- Поздравляю! Это было чудесно! — прильнула она ко мне.

Мы обнялись, прислушиваясь друг к другу. В этот момент в дверь нашей комнаты постучали.